

А.Н. Неминуций

ЧЕХОВ SUB SPECIE ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА

История осмысления творчества Чехова насчитывает уже более ста лет, но, хотя его проза и драматургия оказывались в сфере внимания самых разных литературоведческих школ и направлений, можно выделить некую закономерность: писатель, по сути дела, никогда не был объектом исследования в рамках методологий, претендующих на радикальное обновление филологической науки. Так, чеховская поэтика в свое время не заинтересовала русский формализм, во многом наследовавший ему структурализм также игнорировал проблемы специфики художественного мира классика, если не считать редких исключений¹.

¹ К таким работам можно с оговорками отнести монографию А.П. Чудакова «Поэтика Чехова» (1971) и опубликованную в 1982 году статью Ю.К. Щеглова «Из поэтики Чехова («Анна на шее»).

Аркадий Николаевич Неминуций – доктор филологии, профессор кафедры русистики и славистики Даугавпилсского университета (Латвия).

Картина изменилась на рубеже 80–90-х годов прошлого века, когда о себе заявили исследователи, так или иначе декларировавшие максимально обновленную интерпретацию не только чеховского творчества, но и его личности. Необходимо при этом отметить ряд особенностей. При кажущемся многообразии упомянутых штудий их объединяет некая общая методологическая база. Практически все они укладываются, на наш взгляд, в концепции постструктурализма, а точнее в пределы принципов деконструкции, децентрализации и «шизоанализа», сформулированных, прежде всего, в работах Жака Деррида «Письмо и различие» (1967), Жюлья Делёза «Анти-Эдип» (1972), а также в других трудах теоретиков этого круга. Как известно, они предлагали отказаться от традиционных представлений о центре каких-либо текстовых структур и оправдывали процесс превращения в смысловой «фокус» (исходя из взглядов интерпретатора) считавшихся периферийными элементов².

² См., например: Деррида Ж. Письмо и различие. – М., 2000. С. 461.

Вторая и главная особенность, как представляется, закономерно вытекает из первой. Подавляющее большинство связанных с Чеховым исследований нового формата имели и имеют скандальный характер, что даже в первом приближении вызывает по меньшей мере ряд вопросов.

Дело в том, что Чехов относится к ряду тех писателей, которые ни при жизни, ни после ее завершения не давали явных поводов для разного рода скандалов. Чеховский темперамент, образ жизни, среда обитания и окружающая человеческая среда, по большому счету, не располагали к воссозданию каких-либо скандальных дискурсов. Впрочем, с некоторыми оговорками к таковым можно отнести оглушительный провал первого представления «Чайки» или ссору с художником Левитаном, едва не завершившуюся вызовом на дуэль со стороны последнего. Но ни один, ни другой случаи нельзя отнести на счет сознательного провоцирования: драматург Чехов вовсе не ставил в качестве главной цели потрясение театральных основ, это произошло де-факто, а будучи автором столь уязвившего Левитана рассказа «Попрыгунья» и в мыслях не держал создание пасквиля на художника и его ученицу.

Видимо не лишена в данной связи резона попытка известного чеховеда И.Н. Сухих представить биографию писателя в виде своеобразной «цепочки» констатаций-отрицаний. При этом возникает ироническая аллюзия на целый ряд вариантов жизнеустройства других русских классиков. Чехов и в самом деле «не скрывал тайны происхождения; не ожидал наследства и не боролся за него <...> не проигрывался в карты; не стрелялся на дуэлях; не служил и не воевал; не стоял на эшафоте и не был на каторге; не боролся с властями и цензурой; не говорил истину царям с улыбкой (а также без оной); не печатал произведений за границей и в подполье; не конфликтовал смертельно с братьями-писателями; не сжигал демонстративно свои главные книги (а просто недемонстративно уничтожал рукописи); не бежал из дома ночью»³.

Еще современные Чехову литературные критики, имея в виду и эту особенность его поведения, зачисляли писателя в разряд меланхоликов, равнодушных бытописателей, негромких лириков-импрессионистов, именovali «уединенно верующим» и т.п. Послереволюционная эпоха, конечно, внесла свои коррективы и Чехов, в интерпретации прежде всего официозного литературоведения, прошел путь от сомнительного «гуманиста-нытика» до едва ли не соавтора «Морального кодекса строителя коммунизма». К концу советского периода истории коллективными усилиями был создан образ застенчивого, совестливого интеллигента в пенсне, тонкого психолога и стилиста, автора афоризмов-аксиом вроде известнейшего «в человеке все должно быть прекрасно». Сложился даже определенный визуальный канон: из издания в издание тиражировался практически неизменный набор фотографических изображений и портретов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при подобном восприятии и истолко-

вании ни на родине, ни даже в западных исследовательских опытах чеховская жизнь и творчество никак не фигурировали в скандальных контекстах. Качественные изменения, как уже было сказано ранее, происходят на рубеже 80–90-х годов XX века.

Но прежде чем перейти к конкретике необходимо определиться с содержанием самого понятия «скандал», в первую очередь применительно к литературе и личностям, связанным с литературным процессом. Относительно недавно эта проблема была рассмотрена в сборнике «Семиотика скандала», опубликованном в 2008 году по результатам представительной научной конференции, прошедшей в Сорбонском университете. В книге представлено множество различных дефиниций упомянутой категории, среди которых наиболее адекватными представляются две: скандал предполагает либо разрушение сложившихся ценностных структур в сфере эстетики и поэтики, либо опрокидывает репутационный статус какого-то автора. Сразу же надо констатировать, что в публикациях последних двух десятилетий, имеющих скандальный характер по отношению к Чехову, очевидно, преобладает стремление изменить сложившийся на определенном момент личностный имидж писателя. При этом научные или претендующие на роль таковых работы можно условно разделить на две группы. Пафос одних направлен на выявление и предание гласности неизвестных ранее «маний» Чехова, другие презентуют различные его «фобии».

Одной из первых «ласточек» стала статья А.П. Чудакова ««Неприличные слова» и облик классика. О купюрах в изданиях писем Чехова», увидевшая свет на страницах предпоследнего за 1991 год номера журнала «Литературное обозрение». Один из авторитетнейших чеховедов опирался при этом на совершенно справедливую посылку о нетерпимости сложившейся в советскую эпоху практики цензурной коррекции облика русских классиков, искажающей их истинный образ. В качестве одного из аргументов А.П. Чудаков привел не публиковавшиеся ранее фрагменты чеховских писем, из которых не только академическое сообщество, но и широкий круг интересующихся читателей узнали, к примеру, о том, что Чехов, как и каждый смертный, имел репродуктивные органы и время от времени активно ими пользовался. Кроме того, застенчиво покашливающий интеллигент не брезговал, как оказалось, употреблением в своих письмах лексики, относимой к разряду непечатной⁴. Оценивая значение упомянутой публикации, известный английский исследователь Дональд Рейфилд писал о том, что статья «взорвала всю тину тогдашнего чеховедения. Она сделала для биографии Чехова и для жанра биографии в России то же, что «Поэтика Чехова» сделала за двадцать лет до того для литературной критики. <...> У нового поколения литературоведов и биографов появились актуальные задачи – им пришлось заново взглянуть на многое из того, что они находили в архивах... и в

³ Сухих И. Чехов в XXI веке. Три этюда // Нева. 2008. № 8. С. 43.

⁴ Чудаков А. «Неприличные слова» и облик классика. О купюрах в изданиях писем Чехова // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 72-75.

собственном сознании»⁵. Заметим все же, что революцию в изучении чеховской поэтики и эстетики статья Чудакова, по большому счету, не инициировала, зато было спровоцировано продолжение темы эротических подвигов писателя. Так, в 2001 году свет увидела уже книга «Тайны любви, или “Кукуруза души моей”», автором которой стал тогдашний директор музея-заповедника в Мелихово Ю.А. Бычков. Опираясь в основном на те же фрагменты писем, которые были приведены в статье А.П. Чудакова, и на неназванные источники, автор дополнил фактический материал пространными рассуждениями о донжуанском списке Чехова, его сексуальных вкусах и предпочтениях. Заявив, что писатель до сих пор воспринимался как «человек в футляре», святоша и ходячая кладезь добродетелей, он утверждает, к примеру, что посещение Чеховым любого города включало неизменную схему: церковь, кладбище, дом терпимости⁶. Нельзя сказать, что книга произвела очень заметный фурор, но в 2002 году в «Литературной газете» появилось коллективное письмо ученых и деятелей культуры, где труду Ю. Бычкова была дана резко негативная оценка. По иронии судьбы в числе подписантов оказался и А.П. Чудаков⁷. Завершилась эта линия публикацией в 2005 году новейшей на сегодняшний день и очень неоднозначно воспринятой биографии Чехова, автором которой стал упоминавшийся Дональд Рейфилд и монографии М.Н. Золотоносова «Другой Чехов. По ту сторону принципа женофобии»⁸.

Тему обнаружения скрывааемых ранее, а значит, потенциально скандальных чеховских фобий открыла публикация в 1988 году работы В. Левитиной «Русский театр и евреи». Хронологически она предшествовала появлению чудаковской статьи, но в силу того, что работа увидела свет в Иерусалиме и какое-то время не была доступна даже многим специалистам, скандальный эффект, если так можно выразиться, оказался купированным, хотя четкая установка на демонтаж привычного чеховского имиджа здесь, безусловно, присутствует. Известная еще со времени работы в Советском Союзе театровед, тщательно собрав все доступные факты нелицеприятных оценок и суждений Чехова о евреях (в основном из эпистолярия писателя) и дополнив материал своеобразным анализом таких текстов, как «Иванов», «Тина», «Скрипка Ротшильда», приходит к выводу, что Чехов, как, впрочем, и подавляющее большинство русских классиков, несомненно, был юдофобом⁹.

Та же проблема заняла весьма значительное место в книге Е. Толстой «Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880-х – начале 1890-х годов» (первое издание – в 1994 году), которая была издана в

⁵ Рейфилд Д. «Он к величаниям еще не привык...» // НЛО. 2006. № 77. С. 135.

⁶ Бычков Ю.А. «Тайны любви, или «Кукуруза души моей». – М., 2001. С. 47.

⁷ «Таинственные тайны таинственной любви, или портфель любовных наслаждений» // Литературная газета. 2002. № 9 (5869). 6-12 марта.

⁸ См.: Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. – М., 2005; Золотоносов М. Другой Чехов. По ту сторону принципа женофобии. – М., 2007.

⁹ См.: Левитина В. Русский театр и евреи. Кн. 1-2. – Иерусалим, 1988.

России и почти сразу вызвала волну взаимоисключающих отзывов. Реконструировав, в частности, насколько было возможно, историю амурных отношений Чехова с Евдокией (Дуней) Эфрос, исследовательница приходит к столь же однозначному выводу, что и ее коллега В.Левитина: Чехов, вне всякого сомнения, антисемит. Добавим, что помимо юдофобии автору «Дамы с собачкой» инкриминируется здесь еще и латентное женоненавистничество¹⁰.

Еще более серьезное обвинение адресует писателю американская славистка польского происхождения Ева Томпсон. В ее фундаментальной монографии «Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism» (2000) Чехов, поставленный в один ряд со всеми его предшественниками, заявлен как носитель имперского, колониального сознания, которое проявляется в том числе и в высокомерных национальных фобиях по отношению к народам, населявшим пространство России в позапрошлом веке. Здесь нет возможности привести всю аргументацию, но одним из фактов, подтверждающих ее правоту, Томпсон считает, например, то, что Чехов не включил в проводившуюся им на Сахалине перепись каторжников, представлявших малые нации, а имена и фамилии поляков-каторжан в некоторых случаях исказил¹¹.

И, наконец, один из последних образцов эпатажного по отношению к Чехову дискурса, артикулированный в посвященном 150-летию писателя номере журнала «Нева». Участник дискуссионного круглого стола Ю. Колкер выражает свое отношение следующим образом: «Именно ветхие гении – классики <...> почему-то выставленные пролетарским государством в качестве культурных вертухаев, делали советскую действительность вполне и окончательно безвыходной, сюрреалистической. И Чехов как советский вертухай – свирепее Толстого, потому что в палисаднике скучнее, чем в тайге»¹².

Имея в виду представленный обзор, понимаете, нет резона настаивать на необходимости реставрации прежнего, сусально-благопристойного и потому зачастую фальшивого облика Чехова. Как, думается, нет смысла и в обсуждении проблемы границ допустимого и недопустимого в науке, таких границ не существует по определению. Но каким бы неоднозначным, а иногда шокирующим, ни был результат штудий, всегда возникает вопрос о качестве исследования и его целеполагании, даже если выводы заведомо предполагают опровержение устоявшихся канонов. Один из авторов сборника «Семиотика скандала» не без оснований утверждает, что творцы эпатажных актов так или иначе постулируют мысль о том, что через разрушение старых представлений происходит приближение к истине¹³.

¹⁰ См.: Толстая Е. Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880 – начале 1890-х годов. – М.: РГГУ, 2002.

¹¹ Thompson Ewa. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. – Westport, CT: Greenwood Press, 2000. P. 245.

¹² Круглый стол: К 150-летию со дня рождения А.П. Чехова // Нева. 2009. № 12. С. 98. В этот ряд можно добавить составленную П. Фокиным антологию «Чехов без глянца» (2010), которое московское издательство «Амфора» приурочило к юбилею писателя.

¹³ Евзлин М. Обман и скандал в мифе о Прометее // Семиотика скандала. – Париж-Москва, 2008. С. 98.

Но именно этот аспект постструктуральных опытов изучения Чехова, равно как избранный научный инструментарий и качество аргументации уже вызывал и вызывает оправданные, как думается, сомнения.

Если, скажем, к породившей волну названных и неназванных публикаций статье А.П. Чудакова, (как, впрочем, и монографии Д. Рейффилда) нет претензий в плане корректности и грамотной работы с материалом, то выбор места ее обнародования до сих пор воспринимается с недоумением. Весь одиннадцатый номер «старого» «Литературного обозрения» за 1991 год был посвящен исключительно воспроизведению сексуально-эротических артефактов русской культуры XIX–XX-го веков и на фоне еще сохранявшихся в то время запретов вызвал небывалый ажиотаж и, скорее всего, обеспечил немалый тираж. В таком контексте научность и задача служения истине, которую имел в виду уважаемый автор, объективно ушли на второй план. Зато из открытого А.П. Чудаковым «ящика Пандоры» вышла книга Ю. Бычкова, в которой авторы коллективного письма в «Литературную газету» обнаружили запредельное количество фактических ошибок, ничем не обоснованных предположений, ссылок на архивные материалы, которые просто не могли быть в руках биографа. Однако репутация Чехова в массовом сознании была, конечно, в значительной степени скорректирована.

Куда более опытные и профессиональные, нежели Ю. Бычков, исследователи В. Левитина и Е. Толстая строят научный дискурс иначе. Так, например, в книге В. Левитиной приводится весьма значимая информация: в 1903 году Шолом-Алейхем обращается к Чехову с просьбой дать для перевода на идиш новый рассказ с тем, чтобы поместить его в сборник, средства от продажи которого должны были пойти на помощь жертвам погромов. Чехов ответил отказом, и это становится одним из оснований для вывода о его антисемитском настрое¹⁴. То, что писатель обращался к своему еврейскому коллеге в высшей степени уважительно и в извинительном тоне, разрешил использовать любой из уже напечатанных текстов, просто не берет в внимание. Как и то, что за несколько месяцев до смерти Чехов уже практически ничего не писал, на что сразу же обратили внимание оппоненты В. Левитиной¹⁵. Уже один этот факт вызывает сомнение в правомочности общей концепции автора монографии. Как и в основном послыше работы Е. Толстой в той ее части, где Чехов интерпретируется как человек, некоторое время игравший чувствами Евдокии Эфрос, сделавший ей предложение, но в силу юдофобских предубеждений так и не завершивший роман браком. В этом случае возникает вопрос, на который в парадигме Е. Толстой просто не может быть внятного ответа: как убежденный антисемит мог даже подумать о женитьбе на иудейке? Однако никакие факты противоположного свойства и рациональные аргументы, приведенные в частности в книге Лео Яков-

¹⁴ Левитина В. Русский театр и евреи: В 2 кн. Кн. 1. – Иерусалим, 1988. С. 154.

¹⁵ Хандрос Б. Антон Чехов и евреи // Зеркало недели. 1999. № 12 (233). 27 марта – 2 апреля.

лева «Антон Чехов. Роман с евреями» (2000), где подробно анализируются причины появления в лексиконе особенно молодого Чехова слов и суждений формально антисемитского толка¹⁶, на исследовательскую установку подобного типа повлиять, очевидно, не в состоянии. Причем, таких давно и хорошо известных примеров существует великое множество: это и многолетняя дружба с соучениками-евреями и художником Левитаном, в высшей степени достойное поведение на фоне процесса по делу Дрейфуса, и разрыв продолжительных отношений с А.С. Сувориным, занимавшим противоположную позицию, и многое другое. В своем отзыве на книгу Е. Толстой известный чеховед И.Е. Гитович чрезвычайно точно говорит о том, что «внутренняя причина подобной установки лежит не «в пространстве Чехова», а в психологическом пространстве самого автора. И позиция Толстой в отношении Чехова наверняка больше является сублимацией каких-то глубинных личных проблем, чем стремлением к объективной истине или сущностью научной методологии»¹⁷.

Думается, это можно отнести и к монографии Евы Томпсон, в которой квалифицированные оппоненты обнаружили, к тому же, множество передержек, вырванных из контекста, препарированных цитат и того, что позволяет «периформатировать» Чехова, сделав из него «губадура империи».

Обращает на себя внимание еще один факт. Если, к примеру, собрать в единый текст весь доведенный сегодня до пределов массового сознания «компромат» на Чехова, то получится весьма скромного объема брошюра, однако, в иногда до неприличия скандальных интерпретациях эта периферия чеховского мира гипертрофируется, превращается в новый центр, объективно вытесняя за скобки то, что сделало Чехова Чеховым. Эмоционально оценивая подобного рода опыты, М. Евзлин не без оснований, на наш взгляд, констатирует: «Следует признать, что со времен Сократа благодаря этим революционным новшествам поиски истины значительно облегчились: достаточно произвести какую-нибудь непристойность (чем непристойнее, тем лучше), и истина, как сверкающая Деметра, сразу явится перед глазами скандализованной публики»¹⁸. К этому можно добавить высказывание самого Чехова из письма Суворину от 27 марта 1894 года: «Лихорадящим больным есть не хочется, но чего-то хочется, и они это свое неопределенное желание выражают так: “чего-нибудь кисленького”»¹⁹.

Похоже, доктор Чехов продолжает ставить диагнозы уже современному человеку и обществу, а новые без кавычек интерпретации его творчества остаются в еще не реализованном на сегодня формате.

¹⁶ См.: Яковлев Л. Антон Чехов. Роман с евреями. – Харьков, 2000.

¹⁷ Гитович И. «Потому что у Чехова – все правда, одна правда и только правда». Лео Яковлев. Антон Чехов. Роман с евреями. – Харьков: Издательская группа «РА – Каравелла», 2000 // Чеховский вестник. – М., 2001. № 8. С. 78.

¹⁸ Евзлин М. Указ. соч. С. 102.

¹⁹ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: Д 30 т. Письма. Т. 5. – М., 1977. С. 284.